

СКАЗКИ ПРОСТО ТАК

■

JUST SO STORIES

HOW THE WHALE GOT HIS THROAT

IN the sea, once upon a time, O my Best Beloved, there was a Whale, and he ate fishes. He ate the starfish and the garfish, and the crab and the dab, and the plaice and the dace, and the skate and his mate, and the mackereel and the pickereel, and the really truly twirly-whirly eel. All the fishes he could find in all the sea he ate with his mouth—so! Till at last there was only one small fish left in all the sea, and he was a small 'Stute Fish, and he swam a little behind the Whale's right ear, so as to be out of harm's way. Then the Whale stood up on his tail and said, 'I'm hungry.' And the small 'Stute Fish said in a small 'stute voice, 'Noble and generous Cetacean, have you ever tasted Man?'

'No,' said the Whale. 'What is it like?'

'Nice,' said the small 'Stute Fish. 'Nice but nubbly.'

'Then fetch me some,' said the Whale, and he made the sea froth up with his tail.

'One at a time is enough,' said the 'Stute Fish. 'If you swim to latitude Fifty North, longitude Forty West (that is magic), you will find, sitting *on* a raft, *in* the middle of the sea, with nothing on but a pair of blue canvas breeches, a pair of suspenders (you must *not* forget the suspenders, Best Beloved), and a jack-knife, one ship-wrecked Mariner, who, it is only fair to tell you, is a man of infinite-resource-and-sagacity.'

So the Whale swam and swam to latitude Fifty North, longitude Forty West, as fast as he could swim, and *on* a raft, *in* the middle of the sea, *with* nothing to wear except a pair of blue can-

КАК КИТ ПОЛУЧИЛ СВОЮ ГЛОТКУ

Некогда, милые мои, жил в море кит, и питался он рыбами и морскими животными. Он ел треску и камбалу, плотву и скатов, скумбрию и щуку, морских звезд и крабов, а также настоящих вьюнов-угрей. Он истребил всех рыб. Осталась в море только одна маленькая хитрая рыбка, но она всегда плавала около правого уха кита, так что он не мог ее схватить. Дошло до того, что кит приподнялся на хвосте и сказал:

— Я есть хочу!

А маленькая хитрая рыбка лукаво спросила:

— Не случилось ли тебе, благородный и могучий кит, отведать человека?

— Нет, — ответил кит. — А разве он вкусный?

— Вкусный, — сказала маленькая хитрая рыбка, — только он очень пряткий.

— Ну так добудь мне несколько штук, — приказал кит и, взмахнув хвостом, высоко взбил пену на гребнях волн.

— В один присест хватит и одного, — сказала хитрая рыбка. — Если ты поплывешь дальше, то под пятидесятым градусом северной широты и сороковым градусом восточной долготы ты найдешь человека, сидящего на плоту среди моря. На нем синие холщовые шаровары и подтяжки (не забудьте про подтяжки, милые мои!), а в руках у него складной нож. Это моряк, потерпевший крушение и, надо вам сказать, необыкновенно умный и рассудительный человек.

Кит плыл да плыл к пятидесятому градусу северной широты и сороковому градусу восточной долготы. Плыл он

vas breeches, a pair of suspenders (you must particularly remember the suspenders, Best Beloved), *and* a jack-knife, he found one single, solitary shipwrecked Mariner, trailing his toes in the water. (He had his mummy's leave to paddle, or else he would never have done it, because he was a man of infinite-resource-and-sagacity.)

Then the Whale opened his mouth back and back and back till it nearly touched his tail, and he swallowed the shipwrecked Mariner, and the raft he was sitting on, and his blue canvas breeches, and the suspenders (which you *must* not forget), *and* the jack-knife— He swallowed them all down into his warm, dark, inside cup-boards, and then he smacked his lips—so, and turned round three times on his tail.

But as soon as the Mariner, who was a man of infinite-resource-and-sagacity, found himself truly inside the Whale's warm, dark, inside cup-boards, he stumped and he jumped and he thumped and he bumped, and he pranced and he danced, and he banged and he clanged, and he hit and he bit, and he leaped and he creeped, and he prowled and he howled, and he hopped and he dropped, and he cried and he sighed, and he crawled and he bawled, and he stepped and he lepped, and he danced hornpipes where he shouldn't, and the Whale felt most unhappy indeed. (*Have you forgotten the suspenders?*)

So he said to the 'Stute Fish, 'This man is very nubbly, and besides he is making me hiccough. What shall I do?'

'Tell him to come out,' said the 'Stute Fish.

So the Whale called down his own throat to the shipwrecked Mariner, 'Come out and behave yourself. I've got the hiccoughs.'

'Nay, nay!' said the Mariner. 'Not so, but far otherwise. Take me to my natal-shore and the white-cliffs-of-Albion, and I'll think about it.' And he began to dance more than ever.

'You had better take him home,' said the 'Stute Fish to the Whale.

'I ought to have warned you that he is a man of infinite-resource-and-sagacity.'

So the Whale swam and swam and swam, with both flippers and his tail, as hard as he could for the hiccoughs; and at last he

изо всех сил, и вот наконец среди моря он увидел на плоту человека в синих холщовых шароварах и подтяжках (помните особенно о подтяжках, милые мои), со складным ножом в руках. Это был моряк, потерпевший крушение. Он сидел и болтал ногами в воде. (Ему мама позволила болтать ногами в воде, иначе он не стал бы этого делать, так как он был необыкновенно умный и рассудительный человек.)

Подплыв ближе, кит так разинул пасть, что она у него чуть не дошла до хвоста, и проглотил моряка, потерпевшего крушение, вместе с плотом, на котором он сидел, с синими холщовыми шароварами, подтяжками (о которых вы не должны забывать) и складным ножом. Он отправил все это в свое глубокое, теплое, темное нутро, причмокнул и три раза повернулся на своем хвосте.

Но как только моряк, человек необыкновенно умный и рассудительный, очутился в глубоком, теплом, темном нутре кита, он тотчас же принялся прыгать, шмыгать, скакать, плясать, кувыркаться, брыкаться, топать, хлопать, толкаться, кусаться, кричать, вздыхать, и кит почувствовал себя очень нехорошо. (Вы не забыли про подтяжки?)

Кит сказал хитрой рыбке:

— Ужасно пряткий этот человек. Он вызывает у меня икоту. Как мне быть с ним?

— Вели ему вылезть, — ответила хитрая рыбка.

Кит гаркнул в собственное нутро моряку, потерпевшему крушение:

— Выходи и ступай куда знаешь. У меня икота.

— Ну нет! — сказал моряк. — Не на таковского напал. Доставь меня к родным берегам, к белым скалам Альбиона, и тогда я еще подумаю, выйти мне или нет.

И он принялся скакать пуще прежнего.

— Доставь уж его на родину, — посоветовала хитрая рыбка. — Я забыла тебя предупредить, что это необыкновенно умный и рассудительный человек.

Кит плыл, плыл, плыл, работая плавниками и хвостом настолько быстро, насколько ему позволяла икота. Наконец он

saw the Mariner's natal-shore and the white-cliffs-of-Albion, and he rushed half-way up the beach, and opened his mouth wide and wide and wide, and said, 'Change here for Winchester, Ashuelot, Nashua, Keene, and stations on the *Fitchburg Road*;' and just as he said 'Fitch' the Mariner walked out of his mouth. But while the Whale had been swimming, the Mariner, who was indeed a person of infinite-resource-and-sagacity, had taken his jack-knife and cut up the raft into a little square grating all running criss-cross, and he had tied it firm with his suspenders (*now*, you know why you were not to forget the suspenders!), and he dragged that grating good and tight into the Whale's throat, and there it stuck! Then he recited the following *Sloka*, which, as you have not heard it, I will now proceed to relate—

*By means of a grating
I have stopped your ating.*

For the Mariner he was also an Hi-ber-ni-an. And he stepped out on the shingle, and went home to his mother, who had given him leave to trail his toes in the water; and he married and lived happily ever afterward. So did the Whale. But from that day on, the grating in his throat, which he could neither cough up nor swallow down, prevented him eating anything except very, very small fish; and that is the reason why whales nowadays never eat men or boys or little girls.

The small 'Stute Fish went and hid himself in the mud under the Door-sills of the Equator. He was afraid that the Whale might be angry with him.

The Sailor took the jack-knife home. He was wearing the blue canvas breeches when he walked out on the shingle. The suspenders were left behind, you see, to tie the grating with; and that is the end of *that* tale.

увидел перед собой родину моряка и белые скалы Альбиона. Он до половины выскочил на берег и, широко разинув пасть, сказал:

— Здесь пересадка на Винчестер, Ашулот, Нашуа, Кин и другие станции *Фитчбургской* дороги.

Как только он произнес *Фитч...* — моряк выскочил из его пасти. Однако, пока кит плыл, моряк, который действительно был необыкновенно умным и рассудительным человеком, взял свой нож и разрезал плот на узкие дощечки, которые крепко связал подтяжками. (Теперь вы понимаете, милые мои, почему не надо было забывать о подтяжках!) Получилась сквозная решетка. Моряк ее втиснул в глотку кита, где она и застряла. Тогда он произнес двестише, которого вы, конечно, не знаете, а потому я вам его скажу:

*«Решетку я тебе всадил,
Чтоб ты меня не проглотил».*

Хитрец был этот моряк! Он вышел на берег и отправился к своей матери, которая позволила ему полоскать ноги в воде. Потом он женился и зажил счастливо. Кит тоже. Однако с того самого дня, как у него в горле застряла решетка, которой он не мог ни выплюнуть, ни проглотить, он не мог питаться ничем, кроме мелких рыбок. Вот почему киты и теперь не едят ни взрослых людей, ни маленьких мальчиков и девочек.

А маленькая хитрая рыбка спряталась под воротами экватора. Она боялась, что кит на нее очень рассердится.

Моряк взял домой свой нож. Он вышел на берег в своих синих холщовых шароварах, но подтяжек на нем уже не было, так как он ими связал решетку.

Вот и сказке конец.

HOW THE CAMEL GOT HIS HUMP

IN the beginning of years, when the world was so new and all, and the Animals were just beginning to work for Man, there was a Camel, and he lived in the middle of a Howling Desert because he did not want to work; and besides, he was a Howler himself. So he ate sticks and thorns and tamarisks and milkweed and prickles, most 'scruciating idle; and when anybody spoke to him he said 'Humph!' Just 'Humph!' and no more.

Presently the Horse came to him on Monday morning, with a saddle on his back and a bit in his mouth, and said, 'Camel, O Camel, come out and trot like the rest of us.'

'Humph!' said the Camel; and the Horse went away and told the Man.

Presently the Dog came to him, with a stick in his mouth, and said, 'Camel, O Camel, come and fetch and carry like the rest of us.'

'Humph!' said the Camel; and the Dog went away and told the Man.

Presently the Ox came to him, with the yoke on his neck and said, 'Camel, O Camel, come and plough like the rest of us.'

'Humph!' said the Camel; and the Ox went away and told the Man.

At the end of the day the Man called the Horse and the Dog and the Ox together, and said, 'Three, O Three, I'm very sorry for you (with the world so new-and-all); but that Humph-thing in the Desert can't work, or he would have been here by now, so

КАК ВЕРБЛЮД ПОЛУЧИЛ СВОЙ ГОРБ

В этой сказке я расскажу вам, как верблюд получил свой горб.

В начале веков, когда мир только возник и животные только принимались работать на человека, жил верблюд. Он обитал в Ревущей пустыне, так как не хотел работать и к тому же сам был ревуном. Он ел листья, шипы, колючки, молочай и ленился напропалую. Когда кто-нибудь обращался к нему, он фыркал: «фрр...», и больше ничего.

В понедельник утром пришла к нему лошадь с седлом на спине и удилами во рту. Она сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка возить вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Лошадь ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явилась собака с палкой в зубах и сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка служи и носи вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Собака ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явился вол с ярмом на шее и сказал:

— Верблюд, а верблюд! Иди пахать землю вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд. Вол ушел и рассказал об этом человеку. В конце дня человек призвал к себе лошадь, собаку и вола и сказал им:

I am going to leave him alone, and you must work double-time to make up for it.'

That made the Three very angry (with the world so new-and-all), and they held a palaver, and an *indaba*, and a *punchayet*, and a pow-wow on the edge of the Desert; and the Camel came chewing on milkweed *most*'scruciating idle, and laughed at them. Then he said 'Humph!' and went away again.

Presently there came along the Djinn in charge of All Deserts, rolling in a cloud of dust (Djinns always travel that way because it is Magic), and he stopped to palaver and pow-pow with the Three.

'Djinn of All Deserts,' said the Horse, 'is it right for any one to be idle, with the world so new-and-all?'

'Certainly not,' said the Djinn.

'Well,' said the Horse, 'there's a thing in the middle of your Howling Desert (and he's a Howler himself) with a long neck and long legs, and he hasn't done a stroke of work since Monday morning. He won't trot.'

'Whew!' said the Djinn, whistling, 'that's my Camel, for all the gold in Arabia! What does he say about it?'

'He says "Humph!"' said the Dog; 'and he won't fetch and carry.'

'Does he say anything else?'

'Only "Humph!"; and he won't plough,' said the Ox.

'Very good,' said the Djinn. 'I'll humph him if you will kindly wait a minute.'

The Djinn rolled himself up in his dust-cloak, and took a bearing across the desert, and found the Camel most 'scruciatingly idle, looking at his own reflection in a pool of water.

'My long and bubbling friend,' said the Djinn, 'what's this I hear of your doing no work, with the world so new-and-all?'

'Humph!' said the Camel.

The Djinn sat down, with his chin in his hand, and began to think a Great Magic, while the Camel looked at his own reflection in the pool of water.

— Знаете, мне очень жаль вас. Верблюды в пустыне не желают работать, ну и шут с ним! Зато вы вместо него должны работать вдвое.

Такое решение очень рассердило троих трудолюбивых животных, и они собрались для совещания где-то на краю пустыни. Там к ним подошел верблюд, пережевывая молочай, и стал смеяться над ними. Потом он сказал «фрр...» и удалился.

Вслед за тем появился повелитель всех пустынь Джинн в целом облаке пыли (Джинны, будучи волшебниками, всегда путешествуют таким способом). Он остановился, прислушиваясь к совещанию троих.

— Скажи нам, владыка пустынь, Джинн, — спросила лошадь, — справедливо ли, чтобы кто-нибудь ленился и не хотел работать?

— Конечно нет, — ответил Джинн.

— Так вот, — продолжала лошадь, — в глубине твоей Ревущей пустыни живет зверь с длинной шеей и длинными ногами, сам ревун. С утра понедельника он еще ничего не делал. Он совсем не хочет работать.

— Фью!.. — свистнул Джинн. — Да это мой верблюд, клянусь всем золотом Аравии! А что же он говорит?

— Он говорит «фрр...» — ответила собака, — и не хочет служить и носить.

— А еще что он говорит?

— Только «фрр...» и не хочет пахать, — ответил вол.

— Ладно, — сказал Джинн, — я его прочту, подождите здесь минутку.

Джинн снова закутался в свое облако и помчался через пустыню. Вскоре он нашел верблюда, который ничего не делал и смотрел на собственное отражение в луже воды.

— Эй, дружище! — сказал Джинн. — Я слышал, будто ты не хочешь работать. Правда ли это?

— Фрр... — ответил верблюд.

Джинн сел, подперев подбородок рукой, и стал придумывать великое заклинание, а верблюд все смотрел на свое отражение в луже воды.

'You've given the Three extra work ever since Monday morning, all on account of your 'scruciating idleness,' said the Djinn; and he went on thinking Magics, with his chin in his hand.

'Humph!' said the Camel.

'I shouldn't say that again if I were you,' said the Djinn; you might say it once too often. Bubbles, I want you to work.'

And the Camel said 'Humph!' again; but no sooner had he said it than he saw his back, that he was so proud of, puffing up and puffing up into a great big lolloping humph.

'Do you see that?' said the Djinn. 'That's your very own humph that you've brought upon your very own self by not working. To-day is Thursday, and you've done no work since Monday, when the work began. Now you are going to work.'

'How can I,' said the Camel, 'with this humph on my back?'

'That's made a-purpose,' said the Djinn, 'all because you missed those three days. You will be able to work now for three days without eating, because you can live on your humph; and don't you ever say I never did anything for you. Come out of the Desert and go to the Three, and behave. Humph yourself!'

And the Camel humphed himself, humph and all, and went away to join the Three. And from that day to this the Camel always wears a humph (we call it 'hump' now, not to hurt his feelings); but he has never yet caught up with the three days that he missed at the beginning of the world, and he has never yet learned how to behave.

*The Camel's hump is an ugly lump
Which well you may see at the Zoo;
But uglier yet is the hump we get
From having too little to do.
Kiddies and grown-ups too-oo-oo,
If we haven't enough to do-oo-oo,
We get the hump—
Cameelious hump—
The hump that is black and blue!*

— Благодаря твоей лени трое животных с утра понедельника принуждены были работать за тебя, — сказал Джинн и продолжал обдумывать заклинание, подперев подбородок рукою.

— Фрр... — ответил верблюд.

— Фыркать тебе не следует, — заметил Джинн. — Ты уж слишком много фыркаешь. А вот что я тебе скажу: ступай работать.

Верблюд снова ответил «фрр...», но в это время почувствовал, что его ровная спина, которой он так гордился, вдруг стала вздуваться, вздуваться и наконец на ней образовался огромный горб.

— Видишь, — сказал Джинн, — этот горб у тебя вырос потому, что ты не хотел работать. Сегодня уже среда, а ты еще ничего не делал с самого понедельника, когда началась работа. Теперь настал и твой черед.

— Как же я могу работать с такой штукой на спине? — заявил верблюд.

— Я это устроил нарочно, — сказал Джинн, — так как ты пропустил целых три дня. Отныне ты сможешь работать три дня без всякой пищи, и горб прокормит тебя. Ты не вправе жаловаться, будто я о тебе не позаботился. Бросай свою пустыню, иди к трем друзьям и веди себя как следует. Да поворачивайся живее!

Как верблюд ни фыркал, а пришлось ему взяться за работу вместе с остальными животными. Однако он и до сих пор еще не наверстал тех трех дней, которые пропустил с самого начала, и до сих пор еще не научился вести себя как следует.

*Противный горб верблюжий
В зверинце ты видал,
С тобою будет хуже,
Коль ты трудов не знал.
От лености, ей-ей,
У взрослых и детей
Вспухает горб,
Ужасный горб, —
Не только у зверей!*

*We climb out of bed with a frouzly head
And a snarly-yarly voice.
We shiver and scowl and we grunt and we growl
At our bath and our boots and our toys;*

*And there ought to be a corner for me
(And I know there is one for you)
When we get the hump—
Cameelious hump—
The hump that is black and blue!*

*The cure for this ill is not to sit still,
Or frowst with a book by the fire;
But to take a large hoe and a shovel also,
And dig till you gently perspire;*

*And then you will find that the sun and the wind.
And the Djinn of the Garden too,
Have lifted the hump—
The horrible hump—
The hump that is black and blue!*

*I get it as well as you-oo-oo—
If I haven't enough to do-oo-oo—
We all get hump—
Cameelious hump—
Kiddies and grown-ups too!*

Ты встал ногою левой,
Охрип и голос твой;
Игрушки, полон гнева,
Пихаешь ты ногой:

С обновкой, как гулять!
Не скрыться ль под кровать?
Все пухнет горб, —
Противный горб, —
Куда его девать?

От той беды есть средство —
На месте не сидеть,
Бежать во двор с лопатой,
Трудиться и потеть.

И солнышко, и ветер,
И старый, добрый Джин
Твой горб — твою кручину
Развеют в один миг.

У взрослых и детей
От лености, ей-ей,
Вспухает горб,
Ужасный горб.

HOW THE RHINOCEROS GOT HIS SKIN

ONCE upon a time, on an uninhabited island on the shores of the Red Sea, there lived a Parsee from whose hat the rays of the sun were reflected in more-than-oriental splendour. And the Parsee lived by the Red Sea with nothing but his hat and his knife and a cooking-stove of the kind that you must particularly never touch. And one day he took flour and water and currants and plums and sugar and things, and made himself one cake which was two feet across and three feet thick. It was indeed a Superior Comestible (that's magic), and he put it on stove because he was allowed to cook on the stove, and he baked it and he baked it till it was all done brown and smelt most sentimental. But just as he was going to eat it there came down to the beach from the Altogether Uninhabited Interior one Rhinoceros with a horn on his nose, two piggy eyes, and few manners. In those days the Rhinoceros's skin fitted him quite tight. There were no wrinkles in it anywhere. He looked exactly like a Noah's Ark Rhinoceros, but of course much bigger. All the same, he had no manners then, and he has no manners now, and he never will have any manners. He said, 'How!' and the Parsee left that cake and climbed to the top of a palm tree with nothing on but his hat, from which the rays of the sun were always reflected in more-than-oriental splendour. And the Rhinoceros upset the oil-stove with his nose, and the cake rolled on the sand, and he spiked that cake on the horn of his nose, and he ate it, and he went away, waving his tail, to the desolate and Exclusively Uninhabited Interior which abuts on the islands of Mazanderan, Socotra, and Promon-

КАК НОСОРОГ ПОЛУЧИЛ СВОЮ КОЖУ

На необитаемом острове, у берегов Красного моря, жил да был парс. Он носил шляпу, от которой солнечные лучи отражались с чисто сказочным великолепием. У этого парса, который жил около Красного моря, только и было имущества что шляпа, нож да жаровня (такая жаровня, каких детям обыкновенно не позволяют трогать). Однажды он взял муку, воду, коринку, сливы, сахар и еще кое-какие припасы и состряпал себе пирог, имевший два фута в поперечнике и три фута толщины. Это был удивительный, сказочный пирог! Парс поставил его на жаровню и пек до тех пор, пока он не зарумянился и от него не пошел аппетитный запах. Но лишь только парс собрался есть его, как вдруг из необитаемых дебрей вышел зверь с большим рогом на носу, с подслеповатыми глазками и неуклюжими движениями. В те времена у носорога кожа была совсем гладкая, без единой морщинки. Он как две капли воды походил на носорога в игрушечном Ноевом ковчеге, только, конечно, был гораздо больше. Как тогда он не отличался ловкостью, так не отличается ею теперь и никогда не будет отличаться. Он сказал: — У-у-у!

Парс испугался, бросил пирог и полез на верхушку пальмы со своей шляпой, от которой лучи солнца отражались с чисто сказочным великолепием. Носорог перевернул жаровню, и пирог покатился на землю. Он поднял его своим рогом, скушал и, помахивая хвостом, ушел в свои дебри,

tories of the Larger Equinox. Then the Parsee came down from his palm-tree and put the stove on its legs and recited the following Sloka, which, as you have not heard, I will now proceed to relate:—

*Them that takes cakes
Which the Parsee-man bakes
Makes dreadful mistakes.*

And there was a great deal more in that than you would think.

Because, five weeks later, there was a heat wave in the Red Sea, and everybody took off all the clothes they had. The Parsee took off his hat; but the Rhinoceros took off his skin and carried it over his shoulder as he came down to the beach to bathe. In those days it buttoned underneath with three buttons and looked like a waterproof. He said nothing whatever about the Parsee's cake, because he had eaten it all; and he never had any manners, then, since, or henceforward. He waddled straight into the water and blew bubbles through his nose, leaving his skin on the beach.

Presently the Parsee came by and found the skin, and he smiled one smile that ran all round his face two times. Then he danced three times round the skin and rubbed his hands. Then he went to his camp and filled his hat with cake-crumbs, for the Parsee never ate anything but cake, and never swept out his camp. He took that skin, and he shook that skin, and he scrubbed that skin, and he rubbed that skin just as full of old, dry, stale, tickly cake-crumbs and some burned currants as ever it could possibly hold. Then he climbed to the top of his palm-tree and waited for the Rhinoceros to come out of the water and put it on.

And the Rhinoceros did. He buttoned it up with the three buttons, and it tickled like cake crumbs in bed. Then he wanted to scratch, but that made it worse; and then he lay down on the sands and rolled and rolled and rolled, and every time he rolled the cake crumbs tickled him worse and worse and worse. Then he ran to the palm-tree and rubbed and rubbed and rubbed himself against it. He rubbed so much and so hard that he rubbed his skin into a great fold over his shoulders, and another fold underneath,

примыкающие к островам Мазендеран и Сокотора. Тогда парс слез с пальмы, подобрал жаровню и произнес двустишие, которого вы, конечно, никогда не слышали, а потому я вам его скажу:

*«Припомнит тот, кто взял пирог,
Который парс себе испек!»*

В этих словах заключалось гораздо больше смысла, чем вы полагаете.

Через пять недель у берегов Красного моря началась страшная жара. Люди снимали одежду, какая на них была. Парс снял свою шляпу, а носорог снял свою кожу и понес ее на плече, отправляясь купаться в море. В те времена она у него застегивалась внизу на три пуговицы, как дождевой плащ. Проходя мимо парса, он даже не вспомнил о пироге, который стащил у него и съел. Он оставил кожу на берегу, а сам бросился в воду, выдувая носом пузыри.

Парс увидел, что кожа носорога лежит на берегу, и засмеялся от радости. Он три раза проплясал вокруг нее, потирая руки. Затем он вернулся на свой бивуак и наполнил шляпу до краев крошками пирога — парсы едят только пироги и никогда не подметают своего жилья. Он взял кожу носорога, хорошенько встряхнул ее и насыпал в нее, сколько мог, сухих колючих крошек и пережженных коринок. Затем он взобрался на вершину пальмы и принялся ждать, когда носорог вылезет из воды и станет надевать кожу.

Носорог вылез, натянул кожу и застегнул ее на все три пуговицы, но крошки страшно щекотали его. Он попробовал почесаться — вышло еще хуже. Тогда он стал кататься по земле, а крошки щекотали все больше и больше. Он вскочил, подбежал к пальме и принялся тереться об ее ствол. Терся он до тех пор, пока кожа не сдвинулась крупными складками на его плечах, ногах и в том месте, где были пуговицы,